

ЖУРНАЛ ПРОКОДИЛ

№ 20 ИЮЛЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

МОСКВА 1936

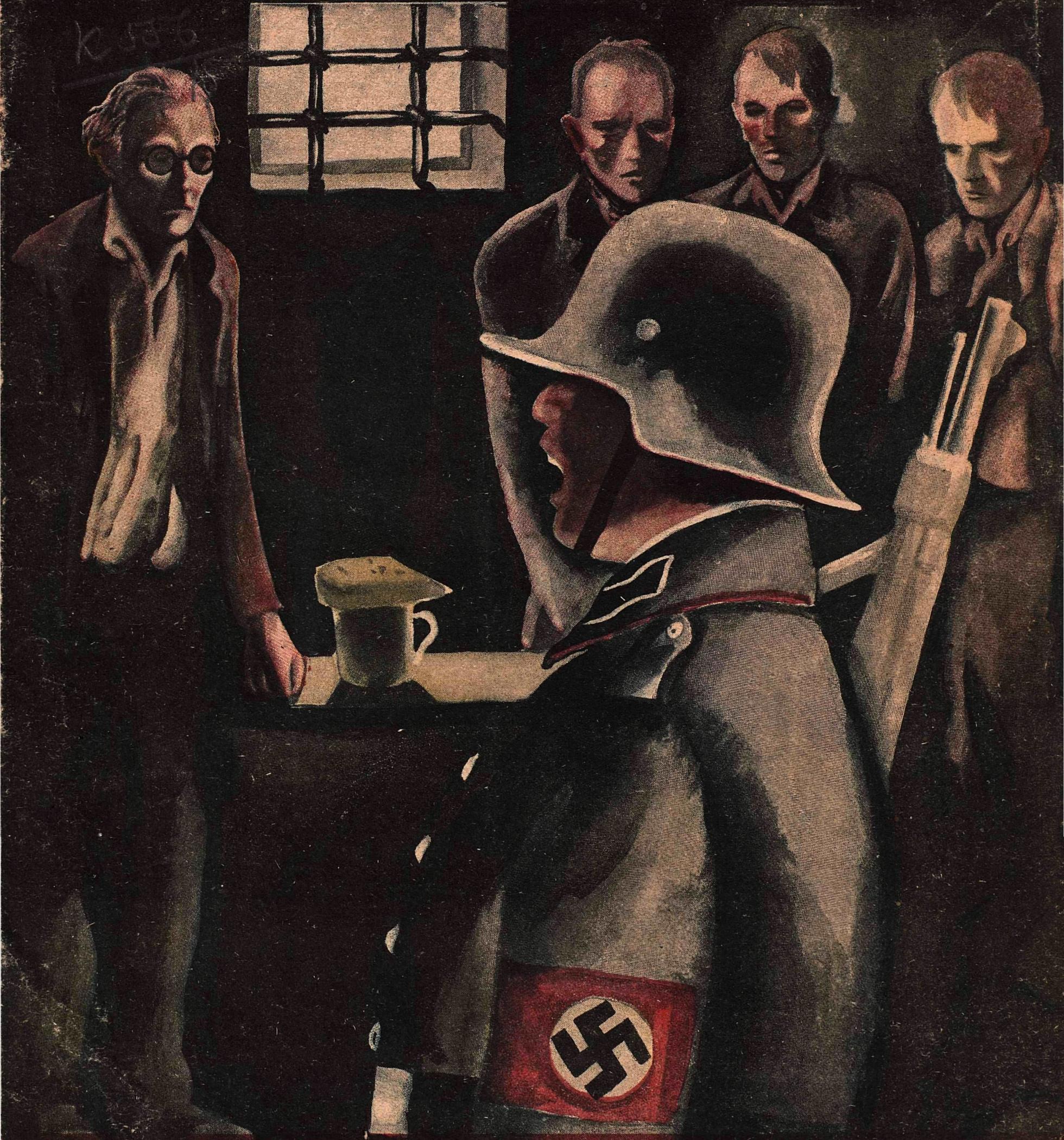
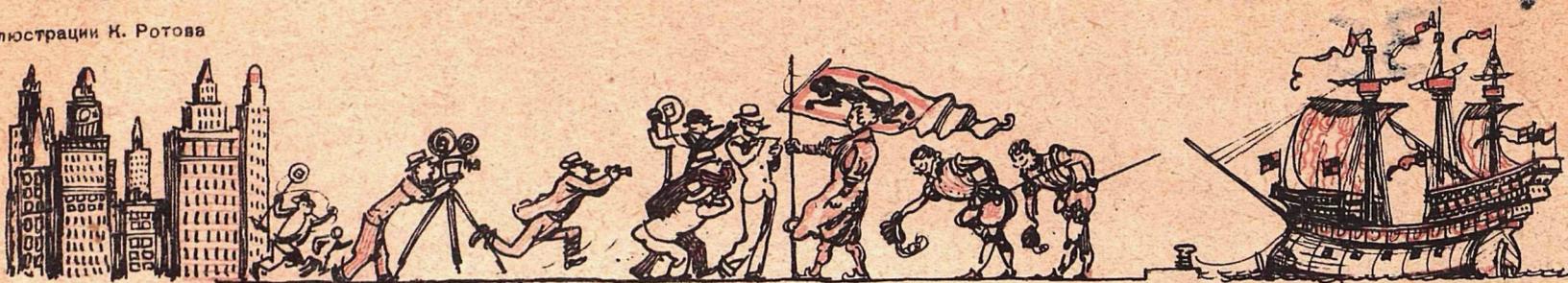

Рис. Ю. Ганфа

ТУРИЗМ НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ

— На прогулку вы-хо-дить!..

В Германии закрыта туристская организация «Друзья природы» и арестовано ее правление.

КОЛУМБ ПРИЧАЛИВАЕТ К БЕРЕГУ

— Земля, земля! — радостно закричал матрос, сидевший на верхушке мачты.

Тяжелый, полный тревог и сомнений, путь Христофора Колумба был окончен. Впереди виднелась земля. Колумб дрожавшими руками схватил подзорную трубу.

— Я вижу большую горную цепь, — сказал он товарищам по плаванию. — Но вот странно: там прорублены окна. Первый раз вижу горы с окнами.

— Пирог с туземцами! — раздался крик.

Размахивая шляпами со страусовыми перьями и волоча за собой длинные плащи, открыватели новых земель бросились к подветренному борту.

Два туземца в странных зеленых одеждах поднялись на корабль и молча сунули Колумбу большой лист бумаги.

— Я хочу открыть вашу землю, — гордо сказал Колумб. — Именем испанской королевы Изабеллы объявляю эти земли принадлежа...

— Все равно. Сначала заполните анкету, — устало сказал туземец. — Напишите свое имя и фамилию печатными буквами, потом национальность, семейное положение, сообщите, нет ли у вас трахомы, не собираетесь ли свергнуть американское правительство, а также не идиот ли вы.

Колумб схватился за шлягу. Но так как он не был идиотом, то сразу успокоился.

— Нельзя раздражать туземцев, — сказал он спутникам. — Туземцы — как дети. У них иногда бывают очень странные обычаи. Я это знаю по опыту.

— У вас есть обратный билет и пятьсот долларов? — продолжал туземец.

— А что такое доллар? — с недоумением спросил великий мореплаватель.

— Как же вы только что указали в анкете, что вы не идиот, если не знаете, что такое доллар? Что вы хотите здесь делать?

— Хочу открыть Америку.

— А публисити¹ у вас будет?

— Публисити? В первый раз слышу такое слово.

Туземец долго смотрел на Колумба проникновенным взглядом и, наконец, сказал:

— Вы не знаете, что такое публисити?

— Нет.

— И вы собираетесь открыть Америку? Я не хотел бы быть на вашем месте, мистер Колумб.

— Как? Вы считаете, что мне не удастся открыть эту богатую и плодородную страну? — забеспокоился великий генуэзец.

Но туземец уже удалялся, бормоча себе под нос:

— Без публисити нет просперити.

В это время каравеллы уже входили в гавань. Осень в этих широтах была прекрасная. Светило солнце, и чайки кружились за кормой. Глубоко взволнованный, Колумб вступил на новую землю, держа в одной руке скромный пакетик с бусами, которые он собирался выгодно обменять на золото и слоновую кость, а в другой — громадный испанский флаг. Но куда бы он ни посмотрел, — нигде не было видно земли, почвы, травы, деревьев, к которым он привык в старой, спокойной Европе. Всюду были камень, асфальт, бетон, сталь.

Огромная толпа туземцев неслась мимо него с карандашами, записными книжками и фотоаппаратами в руках. Они окружали сошедшего с соседнего корабля знаменитого борца, джентльмена с расплюснутыми ушами и невероятно

толстой шеей. На Колумба никто не обращал внимания. Подошли только две туземки с раскрашенными лицами.

— Что это за чудак с флагом? — спросила одна из них.

— Это, наверно, реклама испанского ресторана, — сказала другая.

И они тоже побежали смотреть на знаменитого джентльмена с расплюснутыми ушами.

Водрузить флаг на американской почве Колумбу не удалось. Для этого ее пришлось бы предварительно бурить пневматическим сверлом. Он до тех пор ковырял мостовую своей шпагой, пока ее не сломал. Так и пришлось идти по улицам с тяжелым флагом, расшитым золотом. К счастью, уже не надо было нести бусы. Их отобрали на таможне за неуплату пошлины.

Сотни тысяч туземцев мчались по своим делам, ныряли под землю, пили, ели, торговали, даже не подозревая о том, что они открыты. Колумб с горечью подумал:

— Вот. Старался, добывал деньги на экспедицию, переплывал бурный океан, рисковал жизнью — и никто не обращает внимания.

Он подошел к туземцу с добрым лицом и гордо сказал:

— Я Христофор Колумб.

— Как вы говорите?

— Христофор Колумб.

— Скажите по буквам, — нетерпеливо молвил туземец.

Колумб сказал по буквам.

— Что-то припоминаю, — ответил туземец. — Торговля портативными механическими изделиями?

— Я открыл Америку, — нетерпеливо сказал Колумб.

— Что вы говорите! Давно?

— Только что. Какие-нибудь пять минут тому назад.

— Это очень интересно. Так что же вы, собственно, хотите, мистер Колумб?

— Я думаю, — скромно сказал великий мореплаватель, — что имею право на некоторую известность.

— А вас кто-нибудь встречал на берегу?

— Меня никто не встречал. Ведь туземцы не знали, что я собираюсь их открыть.

— Надо было дать кабель. Кто же так поступает? Если вы собираетесь открывать новую землю, надо вперед послать телеграмму, приготовить несколько веселых шуток в письменной форме, чтобы раздать репортерам, приготовить сотню фотографий. А так у вас ничего не выйдет. Нужно публисити.

— Я уже второй раз слышу это странное слово — публисити. Что это такое? Какой-нибудь религиозный обряд, языческое жертвоприношение?

Туземец с сожалением посмотрел на пришельца.

— Не будьте ребенком, — сказал он. — Публисити — это публисити, мистер Колумб. Я постараюсь что-нибудь для вас сделать. Мне вас жалко.

Он отвел Колумба в гостиницу и поселил его на тридцать пятом этаже. Потом оставил его одного в номере, заявив, что постарается что-нибудь для него сделать.

Через полчаса дверь открылась, и в комнату вошел добрый туземец в сопровождении еще двух туземцев. Один из них что-то беспрерывно жевал, а другой живо расставил треножник, укрепил на нем фотографический аппарат и сказал:

— Улыбнитесь! Смейтесь! Ну! Не понимаете? Ну, сделайте так: «Га-га-га!» — и фотограф с деловым видом оскалил зубы и заржал как конь.

Первы Христофора Колумба не выдержали, и он засме-

¹ Реклама

ился истерическим смехом. Блеснула вспышка, щелкнул аппарат, и фотограф сказал: «Спасибо».

Тут за Колумба взялся другой туземец. Не переставая жевать, он вынул карандаш и сказал:

— Как ваша фамилия?

— Колумб.

— Скажите по буквам. Ка, О, Эл, У, Эм, Бэ? Очень хорошо, главное — не перепутать фамилии. Как давно вы открыли Америку, мистер Колман? Сегодня? Очень хорошо. Как вам понравилась Америка?

— Видите, я еще не мог получить полного представления об этой плодородной стране.

Репортер тяжело задумался.

— Так. Тогда скажите мне, мистер Колман, какие четыре вещи вам больше всего понравились в Нью-Йорке?

— Видите ли, я затрудняюсь...

Репортер снова погрузился в тяжелые размышления: он привык интервьюировать боксеров и кинозвезд, и ему трудно было иметь дело с таким неповоротливым и туповатым типом, как Колумб. Наконец, он собрался с силами и выжал из себя новый, блестящий оригинальностью вопрос:

— Тогда скажите, мистер Колумб, две вещи, которые вам понравились, и две вещи, которые вам не понравились.

Колумб издал ужасный вздох. Так тяжело ему еще никогда не приходилось. Он вытер пот и робко спросил своего друга, туземца:

— Может быть, можно все-таки обойтись как-нибудь без публисити?

— Вы с ума сошли, — сказал добрый туземец бледнее. — То, что вы открыли Америку, — еще ничего не значит. Важно, чтобы Америка открыла вас.

Репортер произвел гигантскую умственную работу, в результате которой был произведен на свет экстравагантный вопрос:

— Как вам нравятся американки?

Не дожидаясь ответа, он стал что-то быстро записывать. Иногда он вынимал изо рта горящую папиросу и закладывал ее за ухо. В освободившийся рот он клал карандаш и вдохновенно смотрел на потолок. Потом снова продолжал писать. Потом он сказал «О-кей», похлопал растерявшегося Колумба по бархатной, расшитой галунами спине, потряс его руку и ушел.

— Ну, теперь все в порядке, — сказал добрый туземец, — пойдем, погуляем по городу. Раз уж вы открыли страну, надо ее посмотреть. Только с этим флагом вас в Бродвей не пустят. Оставьте его в номере.

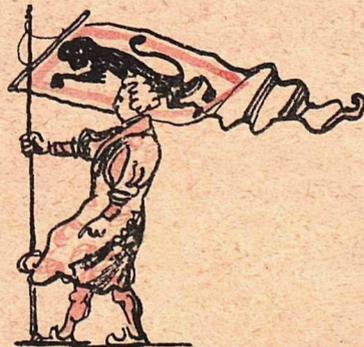
Прогулка по Бродвею кончилась посещением тридцатипятицентовой бурлески, откуда великий и застенчивый Христофор выскочил, как ошпаренный кот. Он быстро помчался по улицам, задевая прохожих полами плаща и громко читая молитвы. Пробравшись в свой номер, он сразу бросился в постель и под грохот надземной железной дороги заснул тяжелым сном.

Рано утром прибежал покровитель Колумба, радостно размахивая газетой. На восемьдесят пятой странице мореплавателя с ужасом увидел свою оскаленную физиономию. Под физиономией он прочел, что ему безумно понравились американки, что он считает их самыми элегантными женщинами в мире, что он является лучшим другом эфиопского негуса Селасси, а также собирается читать в Гарвардском университете лекции по географии.

Благородный гэнгуэец раскрыл было рот, чтобы поклясться в том, что он никогда этого не говорил, но тут появились новые посетители.

Они не стали терять времени на любезности и сразу приступили к делу. Публисити начало оказывать свое магическое действие: Колумба пригласили в Голливуд.

— Понимаете, мистер Колумб, — втолковывали новые посетители, — мы хотим, чтобы вы играли главную роль в историческом фильме «Америго Веспуччи». Понимаете, настоящий Христофор Колумб в роли Америго Веспуччи — это может быть очень интересно. Публика на такой фильм пойдет. Вся соль в том, что диалог будет вестись на бродвейском жаргоне. Понимаете? Не понимаете? Тогда мы вам

сейчас все объясним подробно. У нас уже есть сценарий. Сценарий сделан по роману Александра Дюма «Граф Монте-Кристо», но это неважно, мы ввели туда элементы открытия Америки.

Колумб пошатнулся и беззвучно зашевелил губами, очевидно, читая молитвы. Но туземцы из Голливуда бойко продолжали:

— Таким образом, мистер Колумб, вы играете роль Америго Веспуччи, в которого безумно влюблена испанская королева. Он, в свою очередь, так же безумно влюблен в русскую княгиню Гришку. Но кардинал Решилье подкупает Васко-де-Гама и при помощи леди Гамильтон добивается посылки вас в Америку. Его адский план прост и понятен. В море на вас нападают пираты. Вы сражаетесь, как лев. Сцена на триста метров. Играть вы, наверно, не умеете, но это неважно.

— Что же важно? — застонал Колумб.

— Важно публисити. Теперь вас публика уже знает, и ей будет очень интересно посмотреть, как такой почтенный и ученый человек сражается с пиратами. Кончается тем, что вы открываете Америку. Но это неважно. Главное — это бой с пиратами. Понимаете, аллебарды, секиры, катапульты, греческий огонь, ятаганы — в общем средневекового реквизита в Голливуде хватит. Только вам надо будет побриться. Никакой бороды и усов! Публика уже видела столько бород и усов в фильмах из русской жизни, что больше не сможет этого вынести. Значит, сначала вы побреетесь, потом мы подписываем контракт на шесть недель. Согласны?

— О-кей! — сказал Колумб, дрожа всем телом.

Поздно вечером он сидел за столом и писал письмо королеве испанской:

«Я обехал много морей, но никогда еще не встречал таких оригинальных туземцев. Они совершенно не выносят тишины и для того, чтобы как можно чаще наслаждаться шумом, построили во всем городе на железных столбах особые дороги, по которым день и ночь мчатся железные кареты, производя столь любимый туземцами грохот.

Занимаются ли они людоедством, я еще не выяснил точно, но во всяком случае они едят горячих собак. Я своими глазами видел много съестных лавок, где призывают прохожих питаться горячими собаками и восхваляют их вкус.

От всех людей здесь пахнет особым благовонием, который на туземном языке называется «бензин». Все улицы наполнены этим запахом, очень неприятным для европейского носа. Даже здешние красавицы пахнут бензином.

Мне пришлось установить, что туземцы являются язычниками: у них много богов, имена которых написаны огнем на их хижинах. Больше всего поклоняются, очевидно, богине Кока Кола, богу Драгист Сода, богине Кафетерии и великому богу бензиновых благовоний — Форду. Он тут, кажется, вроде Зевеса.

Туземцы очень прожорливы и все время что-то жуют.

К сожалению, цивилизация их еще не коснулась. По сравнению с бешеным темпом современной испанской жизни американцы чрезвычайно медлительны. Даже хождение пешком кажется им чрезвычайным быстрым способом передвижения. Чтобы замедлить этот процесс, они завели огромное количество так называемых автомобилей. Теперь они передвигаются со скоростью черепахи, и это им чрезвычайно нравится.

Меня поразила один обряд, который совершается каждый вечер в местности, называемой Бродвей. Большое число туземцев собирается в большой хижине, называемой бурлеск. Несколько туземок поочередно поднимаются на возвышение и под варварский грохот тамтамов и саксофонов постепенно снимают с себя одежды. Присутствующие бьют в ладоши, как дети. Когда женщина уже почти голая, а туземцы в зале накалены до последней степени, происходит самое непонятное в этом удивительном обряде. Занавес почему-то опускается, и все расходится по своим хижинам.

Я надеюсь продолжить исследование этой замечательной страны и двинуться в глубь материка. Моя жизнь находится вне опасности. Туземцы очень добры, приветливы и хорошо относятся к чужестранцам».

ИЛЬЯ ИЛЬФ, ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

Рис. Л. Генча

- А в наш дом отдыха приехал один видный товарищ из центра и очень помог наладить стол и обслуживание.
 — А что он сделал?
 — Да ничего. Просто приехал и пожил.

ВЫБОРЫ КОШЕВОГО

...Один из старшин взял палицу и поднес ее новоизбранному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотчас же отказался. Старшина поднес в другой раз: Кирдяга отказался и в другой раз, и потом уже за третьим разом взял палицу. Одобрительный крик раздался по всей толпе, и вновь далеко загудело от казацкого крика все поле. Тогда выступило из середины народа четверо самых старых, седоусых и седочупринных казаков... и, взявши каждый в руки земли, которая на ту пору от бывшего дождя растворилась в грязь, положили ее ему на голову. Мокрая земля стекала с его головы, потекла по усам и по щекам, и все лицо замазала ему грязью. Но Кирдяга стоял, не двигаясь с места, и благодарил казаков за оказанную честь...

Так Н. В. Гоголь описывает в «Тарасе Бульбе» выборы кошевого казаками Запорожской Сечи.

Форма этих выборов убеждает нас лишний раз в том, что слава и почести даются человеку не даром.

Сначала устроят тебе овацию. А вслед затем ты будешь стоять подобно Кирдяге, и по усам и по щекам твоим потечет грязь...

В Москве, по Городской улице, в доме № 27, существует жакт. Старый жакт. Хороший жакт.

А что такое жакт, — сами знаете. Так что не будем затруднять вас излишними объяснениями. И приступим прямо

к отчету об одном из последних общих собраний членом этого жакта. На повестке дня один вопрос — выборы председателя правления.

— Товарищи! Соблюдайте, пожалуйста, тишину! В председатели правления наша общественность намечает кандидатуру всеми нами уважаемого товарища Корытова. (Гром аплодисментов.)

— Не могу, товарищи. Я бы, конечно, с полным удовольствием. Но я ведь только три месяца тому назад был председателем. Нельзя же все на одного человека валить. Со своей стороны выставляю кандидатуру Петра Ивановича Маслова.

— Тише, товарищи! Итак, в председатели правления наша общественность намечает кандидатуру товарища Маслова. (Гром аплодисментов.) Есть отводы?

— Есть! Я сам даю себе отвод. У меня последнее время сильные головные боли на почве плохого обмена веществ. Вот справка от врача. Со своей стороны выдвигаю кандидатуру товарища Мейера как человека вполне холодного.

— Спокойствие, спокойствие! Итак, в председатели правления наша общественность намечает кандидатуру товарища Мейера. (Гром аплодисментов.) Кто за?

— Стойте! Не голосуйте! Прошу освободить. Во-первых,

я уже третий сутки как женат. Во-вторых, наднях в качестве туриста уезжаю на Эльбрус. Со своей стороны выдвигаю в председатели кандидатуру Александра Павловича Торопанова. Он как научный работник вполне подходящая фигура...

Здесь мы вынуждены сделать небольшое отступление с единственной целью — сообщить читателю, что все приведенные здесь фамилии вымышленные. Кроме одной.

Кроме Александра Павловича Торопанова...

Также информируем, что все остальное в нашем отчете с подлинным верно. Действительно, в нашей столице имеется Городская улица. На Городской, 27 — жакт. В жакте общее собрание. И проходило общее собрание так, как мы его описываем.

И вот председатель, фамилия которого Патрикеев (настоящая фамилия, не вымышленная!), продолжая свое искусное ведение собрания, говорит:

— Поступило предложение — прекратить курение. Кто за? Большинство. Итак, в председатели правления наша общественность выдвигает кандидата всеми нами любимого и уважаемого Александра Павловича Торопанова. (Гром аплодисментов.) Нет возражений?

Возражает один Торопанов. Он не может. Он плохой организатор. Не умеет руководить. Он благодарит за честь и доверие, но убедительно просит снять его кандидатуру.

Слабый голос научного работника Торопанова заглушается криком всего собрания:

— Причины неуважительные! Избрать! Тем более, что Торопанов еще ни разу не был председателем нашего жакта. Ставьте на голосование! Мы его уважаем!

Напрасно подвергаемый почестям старается доказать, что такие выборы вкорме противоречат принципам советской демократии. Что нельзя насильно выбирать.

Каждый из присутствующих думает об одном: «Если не он, то я». От одной этой мысли человек звереет и не своим голосом кричит:

— Уважаем! Любим! Голосовать!

Но Торопанов наотрез отказывается от чести. И тогда возмущенное общее собрание принимает такого рода резолюцию:

«Выдвинуть в правление тов. Торопанова как лицо, ни разу не работавшее в правлении...»

Но выдвигаемый не хочет выдвигаться. А потому:

«Считать отказ антиобщественным поступком и исключить из членов жакта».

Не хочешь быть председателем — оставайся без квартиры. Но и этого мало: надо пригвоздить «всеми уважаемого» Торопанова к позорному столбу:

«Сообщить в профсоюзную организацию учреждения, в котором он работает... Просить профсоюзные организации воздействовать...»

На голову бедного научного работника опрокинули несколько ушатов с отборными помоями.

...Грязь стекла с его головы, потекла по усам и по щекам. Торопанов стоял, не двигаясь с места. И почему-то не благодарил запорожцев из жакта № 1567 за оказанную честь.

Г. РЫКЛИН

НА ФРОНТЕ НЕДОМЫСЛИЯ

Пока наши историки литературы благоговейно собирают каждую новую строчку из лермонтовского наследия с таким историческим памятником, как место дуэли поэта в Пятигорске, происходит, по словам «Северокавказского большевика», следующее:

Недавно даже один из работников милиции жаловался:

...Беда с этим местом дуэли. Территория как будто городская. Но горсовет туда и близко подходить не хочет: говорит, что там хозяин — курорт. А заведующий отделом благоустройства курорта тов. Карпенко говорит, что это дело лесничества: их лес там растет. И вот никто там даже мусора убрать не хочет...

Семь городов спорили за право считать себя родиной Гомера. Это, как сказал Анатолий Франс, звучит симфонией гордости.

Но когда лесничество, курортные чиновники и горсоветские расктерихи не могут выяснить, кто из них должен убрать мусор с места дуэли великого поэта, — это уже не симфония гордости, а просто попури глупости.

Рис. А. Топикова

— А почему ты не рисуешь овец?
— Забыл дома зеленую краску.

С К О Р О С Т Ь

Поезд на этой станции стоял восемь минут. Пассажиры выскакивали на перрон, мчались в буфет. Здесь ожидали их закрытые перевернутыми тарелками щи и котлеты. Не отдышавшись, принимались за еду. Через минуту ложки уже реже подносились ко рту.

— Чорт знает что такое! — начинали возмущаться пассажиры, отодвинув недоеденную тарелку со щами и кovyряясь в котлете. — Щи прокисшие!

— Котлеты пересоленные!

— В горчице мухи!

Буфетчик, не слушая, продолжал продавать из буфета старинные бутерброды, круги прокопченной на солнце колбасы. Потрясая кулаками с закатой в них сдачей, пассажиры волновались:

— Пломбированный зуб о ваш сыр сломал!

— Давай жалобную книгу!..

— Пожалуйста. — буфетчик начал открывать конторку, не спеша, доставал оттуда книгу. Едва пассажир успевал написать «Я х» или «Я хо», как раздавался второй звонок. Буфетчика этого пассажиры кляли еще две станции:

— И еще сдачи рубль не додал.

— Да где тут в такой горячке...

Недавно один пассажир, получив на минуту жалобную книгу в этом буфете, успел черкнуть в ней полторы строки и, преследуемый буфетными мухами, выскочил на перрон. Мордастый буфетчик заглянул в книгу:

— По татарски что ли намерекал тут свое «Я хо», «Я хочу...» Небось, дальше не хватит.

При очередной проверке книги один из членов комиссии воскликнул:

— Позвольте! Это кто-то стенографически записал!.. Позвольте, позвольте, я увлеклся когда-то стенографией.

И начал разбирать эти полторы строки. В них было упомянуто обо всем: и о кислых щах, и о мухах в горчице и о каменном сыре.

Мордастый буфетчик с ужасом смотрел на эти полторы строки загогулии и боялся, чтоб из них не вычитали еще кое-чего.

В. ТОБОЛЯКОВ

ПЕЙЗАЖ С ДЕФЕКТАМИ

Рис. М. Черемных

— Какая очаровательная картина.
— Да, но озвучена так, что хоть уши затыкай...

ЕЩЕ О РЕКЛАМЕ, ИЛИ КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Дверь в кабинет управляющего трестом приоткрылась чуть-чуть, как бы сама. Но опытный управляющий брюзгливо спросил:

— Кто там?

— Это я, Федосей Феофанович, Чухин.

— Чего вам, товарищ Чухин?

— Вот хотел показать эскиз для рекламы. Портсигар вместе с зажигалкой.

Чухин походкой легкой, почти как в балете, подошел к столу и вручил управляющему кусок ватманской бумаги. Управляющий в обе горсти взял бумагу, вытянул руки и, прищурился глазами, проскандировал четверостишие:

*«Культура, техника, комфорт!
Все на потребу для широкой*

массы.

*Здесь мы имеем в слитном виде:
порт-*

Сигар и зажигалку из пластмассы».

— Стихи? — спросил управляющий, прочитав четвертую строчку.

— Они, Федосей Феофанович.

— Гмм... Как-то тут нехорошо...

— Где нехорошо, Федосей Феофанович?

— Да вот: вторая строчка кончается словом «массы», и в четвертой — конец тоже «массы». Так не рифмуют — одним и тем же.

— Да, но в первом случае «широкие массы», а во втором — «пластмассы». Это совсем другое. Так можно. А дальше уже проза, Федосей Феофанович. Вот: «Последнее достижение нашей лаборатории под лозунгом «Опущаем техникой быт!» — портсигар и

зажигалка вместе — давно уже вызывают энтузиазм широких курящих масс заграницей. Удобно, практично, элегантно, символично. Одним движением руки вы извлекаете из кармана курительный комплекс. Одно нажатие пальцем для папиросы, одно — для огня. Итого в два нажатия вы полностью включаетесь в процесс курения. Имеются зеленые, розовые, мраморные и черные портсигарозажигалки. Спрашивайте всюду, а особенно в наших магазинах».

— Позвольте! — перебил управляющий трестом. — Что-то я не помню, чтобы у нас были черные. Розовые я видал, зеленые, мраморные... А какие же это черные?

— Ну как же, Федосей Феофанович... Черные есть. С одной стороны черные, и — с другой...

— Покажите мне, по крайней мере... Управляющий позвонил. С греском открылось маленькое, как в билетной кассе, окошечко к секретарше, и оттуда показались нос, один глаз и четыре крашено-белокурые кудри «перманент». Управляющий распорядился:

— Скажите Тютфяеву, пусть он принесет мне черный зажигалкопортсигар. Только обязательно черный. И скорее...

Кудри и нос исчезли, деревянная дверца вскоре протрещала еще раз, и вошел вызванный секретаршей Тютфяев. Управляющий протянул к нему руку:

— Давайте... Какой такой у вас черный портсигар?

— Федосей Феофанович, у нас сейчас нету черного портсигара.

— Вот тебе раз! А какие же есть?

— А никаких. Откуда? Вы же знаете, Федосей Феофанович, нами всего выпущено пять штук портсигарозажигалок. Два экземпляра мы дали вам, два — отослали в наркомат, один — директору лесозавода № 4 с просьбой поторопиться с доставкой сырья. Вот и все. А новые портсигары поступят не раньше будущего года.

— Н-да... — протянул управляющий. — Что ж делать? Тогда пускайте это объявление так.

— Федосей Феофанович, — осторожно начал Чухин, — может быть, раз такое дело — портсигаров нет, — мы попридержим это объявление? Тут ведь говорится, что портсигары всюду продаются...

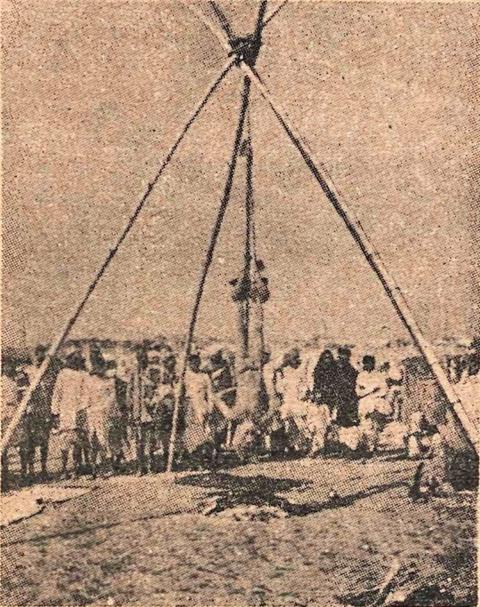
Управляющий пожал плечами.

— Нет, зачем же? Реклама должна быть сама по себе. И так мы отстали. Давайте это в газету, а ко мне пришлите Муштакова. И пусть он захватит с собой какие-нибудь там цифры...

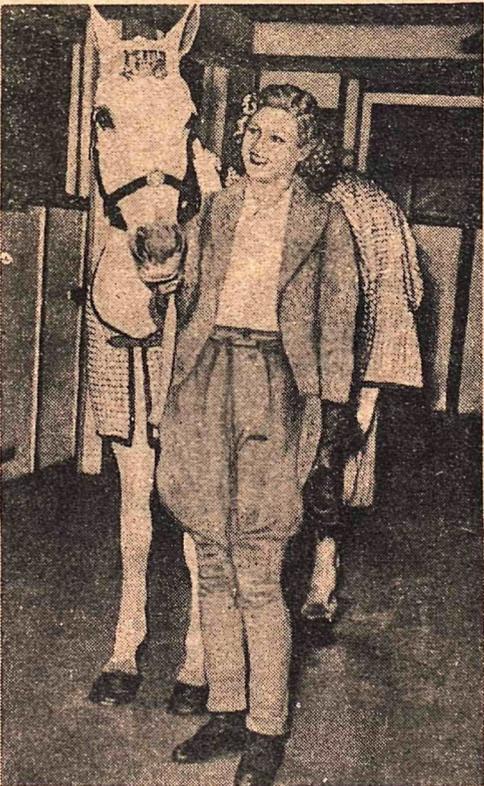
Оба сотрудника, почтительно кивнув головами, на дыпочках зашатали к двери.

ИВАН ДИТЯ

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Новый вид техники мышления: индусский факир, размышляющий о суете жизни в несколько необычной даже для философов позе. Снимок взят нами из журнала «Sphère», в котором он, так сказать, наглядно иллюстрирует благополучие колониального населения и полную его свободу размышлений вверх ногами.

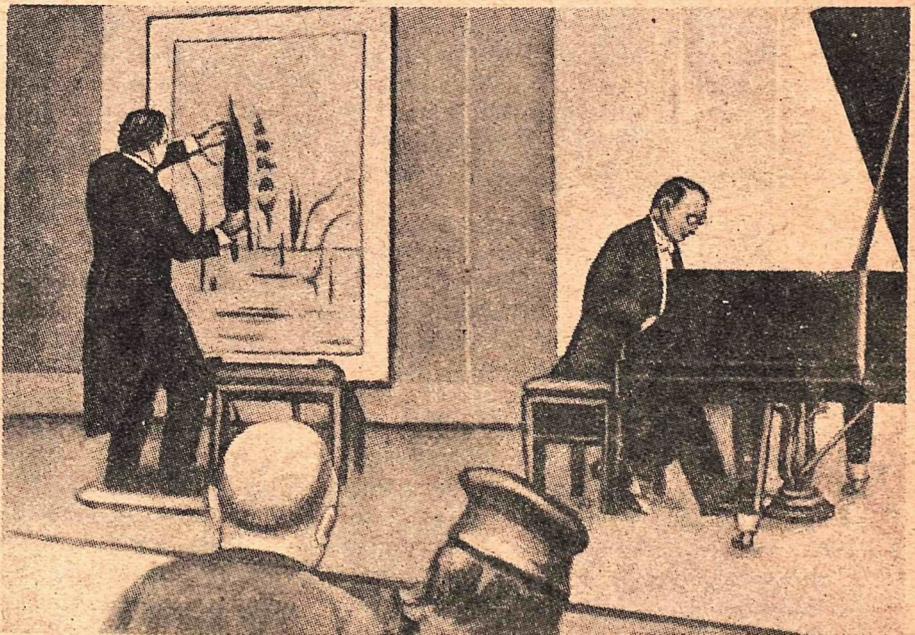
Лошадь помощника начальника лондонской полиции, украшенная орденами. Знаки отличия получены этим лихим конем, повидимому, за активную помощь своему седоку в разрешении целого ряда социально-политических проблем.

Из серии наглядных картинок: счастливое детство в капиталистических странах. Обувь французских школьников, отправляемых благотворительными обществами на отдых в деревню.

Легкая деталь из быта англо-саксонской демократии, или активизация догов на почве филантропии. Мисс Мэри Симонс Жюи, организаторша бала, данного в пользу диспансера для собак бедняков, вместе со своим далматским догом, избранным «председателем собачьего комитета». Все.

Интересный фотоснимок весьма опасного эксперимента: парижский художник Гинеголь воспроизводит кистью на полотне те музыкальные впечатления, которые он получает от игры известного пианиста Мориса Серва.

Рекомендуем читателям слегка напрячь фантазию и представить себе, какая бы получилась картиночка (допустим легкий натюр-мортик пополам с пейзажем), если бы таким способом воспроизвести на полотне музыкальные опусы, еще недавно являвшиеся гордостью некоторых наших композиторов.

НЕУДАЧА КОСТИ ГАЛКИНА

Н А П Е Р

Рис. М. Храпковского

Речь идет о Косте Галкине, младшем чертежнике конторы «Помстрой», молодом рябоватом человеке без особых примет. О его честолюбии, неразделенной любви к Елене Петровне и неудаче, постигшей его на пышном и радостном карнавале в городе Э.

Так как костина неудача принесла ему много огорчений, а нам его жалко, мы остановимся подробно на некоторых обстоятельствах этой неудачи, не скрывая никаких деталей.

— Елена Петровна, — неожиданно и тихо сказал Костя, впиваясь обожающим взглядом в холодную завивку сослуживцы, — какой я себе костюмчик к карнавалу удумал!

— Испанский? — деловито осведомилась Елена Петровна, стирая пухлой резинкой лишнюю линию на чертеже. — От нашей конторы четверо будут в испанском. Двое из счетного отдела, а двое внештатных. Счетные в плащах, внештатные за одеялами побежали: сами шить хотят. Завхоз Иван Сергеевич тоже в испанском хочет. Персидскую шаль ищет и губную гармошку. Торреадором одевается.

— Я, Елена Петровна, — обиженно заметил Костя, — испанцем не буду. Это при царизме помещичьи дети на карнавалах бегали испанцами. Это, Елена Петровна, пошлость и почти непонимание. Я, Елена Петровна, себе сельскохозяйственное удумал. Чтобы и на приз и выдержанно.

— У меня сосед снопом одевается. Только боится, что курить рядом будут — как бы не подожгли. Он семейный и огня боится.

— Сноп — это мелко, — покачал головой Костя Галкин. — Сноп не означает. Снопы и в мелкобуржуазных странах зачастую встречаются. Я, Елена Петровна, трактором буду.

— Это что же вас, Костя, по аллеям на колесах катать будут, или сами катиться будете?

— Сам. Я для ног дырки оставил. А какой я для вас костюмчик удумал, Елена Петровна...

— Какой, Костя?

— Стоячий, — горячо зашептал Костя, чтобы не подслушали сослуживцы. — С боков фанера, пояс соломенный, сверху голова в маске, а снизу ободок.

— Это что — изба-читальня? — недоверчиво, но с некоторым любопытством спросила Елена Петровна.

— Нет, — еще больше сбавил голос Костя. — Тоже сельскохозяйственное — силосная башня. И как у меня для ног, так у вас для рук две дырки сбоку. У главного павильона будете стоять, Елена Петровна. И я рядом и гудеть буду, чтобы привлечь внимание карнавальной общественности и жюри. Честное слово, приз получим. Это вам не испанские костюмы с беспочвенными бахромами да балалайками. Я бы вам на квартиру костюмчик привез. Разрешите?

Елену Петровну куда-то позвали. Она быстро вышла, оставив после себя обаяние недоступной прелести и легкий запах духов «Магнолия», и на ходу успела бросить восхищенному Косте:

— Ладно. Привозите. Только чтобы без гвоздей, а то всю блузку из-за вашего сельского хозяйства порвешь перед карнавалом.

Два дня Костя не приходил на работу. Измазанный клеем, он заперся у себя в комнате, пилил, строгал и энтузиастически стучал молотком. До соседней из костинной комнаты доносились только короткие возгласы восхищения и резкие гудки автомобильного рожка.

На третий день поздно вечером к дому Елены Петровны подехал извозчик с каким-то громоздким, очень высоким сооружением, напоминающим модель собачьего небоскреба. Из-под него выскочил Костя, постучал в окошко и, когда в темноте показался белокурый перманент, торжественно шепнул:

— Привез, Елена Петровна. Разрешите в окошко пропихнуть, чтобы не подсмотрели?

Елена Петровна испуганно посмотрела на сооружение и робко сказала:

— Ладно. А в него как — сверху влезать?

— Снизу, снизу, Елена Петровна, — суетился Костя, проталкивая костюм в окно, — вот так: ободочек поднимете и пролезете.... А здесь дырки для рук... Обеспеченный приз, честное слово. В газете писать будут. Около квасного павильона встретимся. А то что — испанки, турчанки... Типичная струя пошлости...

Тронутая Елена Петровна позволила поцеловать руку, и ликующий Костя даже не слышал, как извозчик, запиная смятый рубль за пазуху, неодобрительно проворчал:

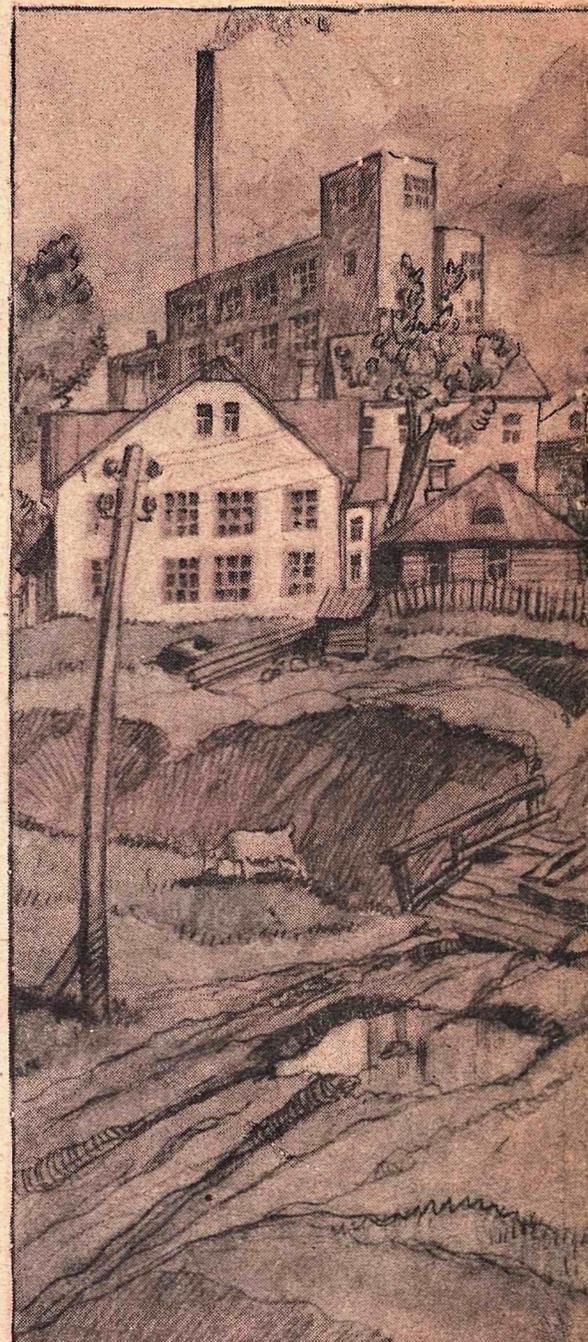
— Зажрались на казенных жалованьях... По ночам шкафы в окошки тучают...

В день карнавала Костя заранее двинулся к парку. Небольшая, но сплоченная группа мальчишек, игравшая в камешки на пыльной и залитой солнцем улице, шумным восторгом встретила медленно передвигавшийся по мостовой темнозеленый ящик с гудком и рулем, под которым медленно и натужно шагали чьи-то ноги в белых парусиновых ботинках. Сверху, над ящиком, маячила голова в пестрой кепке клеточкой и в синей маске на запотевшем лице.

Мальчишки помогали тихому шату мелодичными свистками и незамысловатыми шутками. Только самый маленький из них, и поэтому наиболее жалостливый, крикнул проезжавшему мимо грузовику с цементом:

— Дянька, доведите ящик... Там внутри человек мается...

К парку Костя пришел рано, и распорядитель с голубым бантом, прожевывая копченую колбасу, сухо заметил:

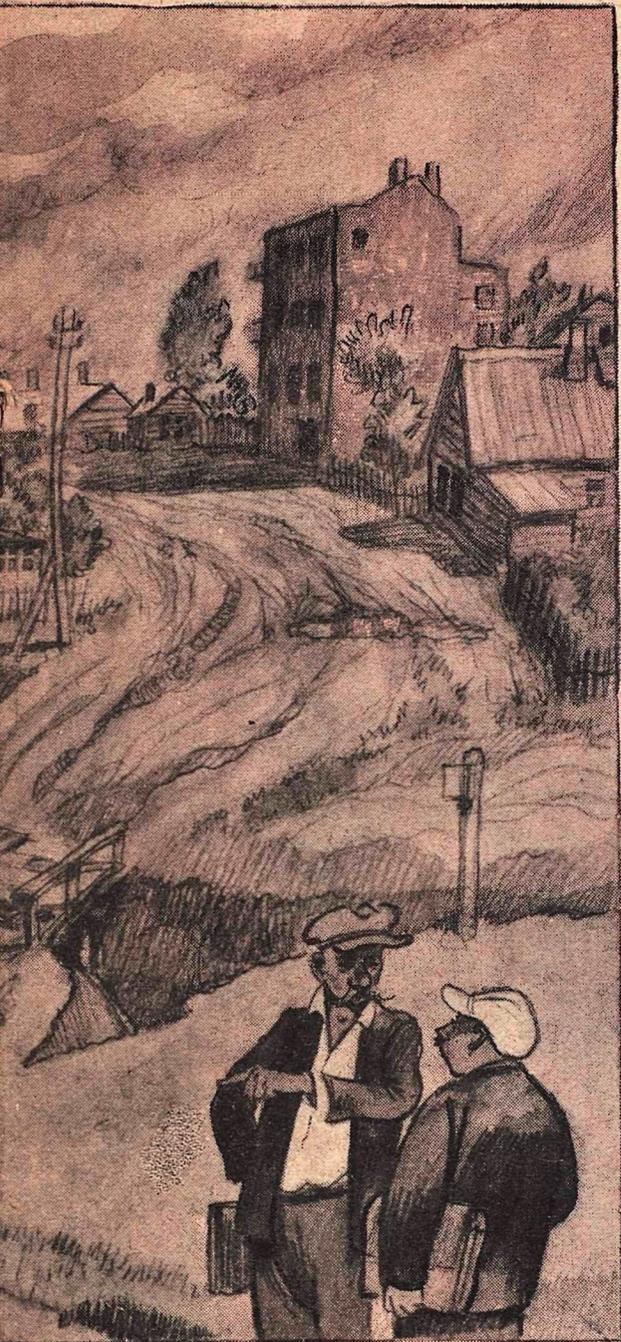
— Не знаю: какая дорога ведет...
— Может быть, даже и эта, ес...

— В семь пустим, гражданин. Как ракета будет, — так и идите. А пока гуляйте по улице.

— Это пусть испанки на улице ждут, — отдуваясь взмолился Костя. — У меня сельскохозяйственное. Мне тяжело. Гвозди, дерево. Я на крайней аллейке подожду.

— Нельзя. Там и так под деревом две селькооперации, один капиталистический броненосец и каракумская пустыня дожидаются. С утра их пустили, — тут устроитель неожиданно заметил чей-то приятный голубой берет и смягчился. — Ладно. Топайте. Только чтобы не гудеть. А то заберутся заранее и гудят неорганизованно. Сашка, пропусти:

Темные тучи напоздали с двух сторон, и потемневший парк начинал сверкать радостными огнями разноцветных фонариков. Костя стоял около квасного

к сердцу избирателя?
и ее хорошенько исправить.

павильона, поддерживая окалившееся колесо и изредка нажимая несвойственный трактору гудок. Это были грустные и немного хрипловатые зовы любви. По ним его должна была найти Елена Петровна. Вот сейчас в полутьме покажется силуэт силосной башни и любимая станет рядом. В двух фанерных сооружениях тепло забьются сердца, а несколько позже участники карнавала оценят эту маленькую, но живописную группу.

Костя гудел. И гудки становились безнадежнее и беспокойнее: парк уже был залит чуждыми костинному сердцу турчанками, испанками, представительницами неведомых рас в буйных волнах пестрого ширпотреба, острыми пародиями на городской водопровод, туркменами в кепках, желтыми парашютистками, представителями толстых западных капиталистов в бумажных ци-

линдрах и серых тапочках.— но силосной башни не было.

Придет,— неуверенно убеждал себя Костя.— Елена Петровна не такая.

Но ее не было. Уже бегали маски, рассыпавшие призовые билетки, уже где-то в соседнем павильоне дотанцовывали седьмую румбу и готовились к восьмой. Вот мимо прошел помпестровский завхоз в пестрой шали, загадочно якая. Кто-то, проходя, сунул в костин гудок окурок. Ныли ноги под громоздким сооружением и холодело сердце.

— Еремицын! — дрогнувшим голосом позвал Костя пробежавшего мимо сослуживца в незамысловатом белом балахоне, на котором было бегло начертано углем «Долой подхалимаж!» — Еремицын!

Тот подбежал к Косте и радостно воскликнул:

— Подгорелов? Ты?

— Нет,— грустно сказал Костя, снимая маску,— это я.

— Маска, я тебя знаю! — еще радостнее закричал Еремицын. — Ты Косья!

— Ты Елену Петровну не видел? — грустно спросил Костя. — В башне такой. Снизу ободок, а по середине солома. И для рук дверки. Силосная.

— А она и вовсе без ободка,— радостно сообщил Еремицын. — И без соломы. С Сашкой Крухиным танцует.

— В испанском? — глухо спросил Костя.

— В нем. И с цветком. А сзади гребень. Пойдем покажу.

— Не могу,— вздохнул Костя. — Я в тракторе. Пошли ее сюда.

Взвилась ракета. Музыка играла туш. Где-то громко аплодировали: это раздавали призы. Эскимос, остановившийся с турчанкой покурить у соседнего дерева, сердито говорил:

— Первый бабочке дали. А второй приз — северному сиянию. Продёрнуть бы их в газете. Вот и потей после этого в вате. На мне, может, одних жилетов четыре штуки...

Пестрой змейкой в свете фонаря мелькнула женская фигурка. На ней была цветистая шаль, в волосах алела большая роза и блестел высокий гребень.

— Спасибо, Елена Петровна, — тихо сказал Костя, — спасибо.

— Я, Костя,— взволнованно ответила Елена Петровна,— в ваше сельскохозяйственное полчаса влезала. Я, Костя, в фанере не могу ходить. Мне, Костя, танцовать хочется. Может, выйдете, Костя? Я на Крухина кадрили записала, я на вас перепису...

— Я не могу вылезти, Елена Петровна,— вздохнул Костя. — Я заклепанный. Я на приз шел, а вас пошлость соблазнила... Я, Елена Петровна, в костюмы душу вложил... Я, Елена Петровна, сельскохозяйственную проблему разрешил, а вы в испанском костюме с Сашкой танцуете... Идите танцуйте, Елена Петровна, не поняли вы меня...

— Может, вас к выходу докатить, Костя? — виновато предложила Елена Петровна.

— Сам докачусь. Идите. Я мужчина. Я один перестрадаю.

Медленно и горько по освещенной лунной улице передвигался Костя и скорбно говорил дружески шагавшему рядом Еремицыну:

— Нет, брат... Разве женщину увлечешь высокой идеей?... Женщине шик нужен. Гребни, розы, ситро. Испанское. Ее к забытому прошлому тянет. В тину... Э, да что говорить... Дай закурить, Еремицын...

Арк. БУХОВ

М О Д А

Директора театра провожали на вокзале актеры и треугольник в полном составе.

— Иван Никодимыч! — наперебой говорили актеры. — Без заслуженного не возвращайтесь!

— Не вернусь,— говорил директор, высовываясь из окна,— если еду за заслуженным,— значит приеду с заслуженным. Конечно, Станиславский или Немирович-Данченко не поедут к нам на периферию, а какого-нибудь заслуженного найду. В Москве да не найти!

— А то стыд,— сказал билетер,— на афише ни одного заслуженного не значится. У всех ведь есть.

Заслуженного директору пришлось долго уговаривать:

— Ставку любую дадим. Место у нас отличное. Бор сосновый.

— Знаете, даже как-то неудобно,— говорил заслуженный,— вроде как чеховская свадьба с генералом.

— Какой генерал? Какая свадьба? Как вам не стыдно?! Но, понимаете ли, во всех театрах заслуженные есть. Не свои, конечно. Но есть. А у нас районный центр. Может, даже область будет — и ни одного заслуженного.

— Я уж, знаете, на пенсию хотел. И уже зубов недостача, шепелявлю,— раскрыл рот заслуженный.

— Да вам играть мало придется: какую-нибудь ролюшку дадим, а ставку — любую.

Через неделю директор вернулся с заслуженным. А еще неделю спустя начали готовить к постановке «Ревизора».

— Может, Аркадий Мироныч,— обратился режиссер к заслуженному,— возьмете городничего?

Заслуженный махнул рукой.

— Может, Хлопова?

Заслуженный покачал головой.

— Землянику?.. Шпекина?..

— Нет, дорогуша. Дайте мне уж Гибнера. Там у него всего один звук... Я ведь предупреждал директора, что на пенсию хотел...

— Пожалуйста, пожалуйста,— поднял ладонь режиссер.

Через несколько дней были выпущены афиши. На них буквами, размером с неочиненный карандаш, сообщалось, что состоится «Ревизор» с участием «заслуженного артиста». Директор театра ходил от афиши к афише и чмокал языком:

— Вот теперь как у людей... Это я понимаю...

В. ТОБОЛЯКОВ

Вопросы

Люди у нас очень интересны. Но не о всех следует рассказывать в печати. Многих можно просто наблюдать в повседневной жизни. Но о Сергее Петровиче не рассказать нельзя. Уже много лет он по вечерам сидит над бумагами, особым образом разграфленными. Правда, он их не показывает приятелям. Свой труд он еще не считает законченным. Но в то же время он не так быстро убирает эти свои бумаги со стола, чтобы знакомый, зашедший к нему, не заметил довольно крупно выписанных рубрик: «Жулики», «Рекламисты», «Бездарности», «Очковиратели» и так далее.

Сергей Петрович ни в какой мере не был похож на озлобленного, обиженного человека, который по вечерам сводит счеты со своими обидчиками и дает волю тайной потребности в брани. По профессии Сергей Петрович—экономист, плановик. Он также и весьма сведущ в вопросах финансов. В своем внешнем облике, поведении, манерах и прочем он не уберется от типичных черт людей своей профессии. Он сдержан, корректен, серьезен, в должной мере суховат. Но со странностями.

Откуда эти разграфленные листы с твердо выписанными рубриками: «Болтуны», «Рвачи», «Стяжатели», «Похитители чужой инициативы» и тому подобными?

Ему был задан такой вопрос, а ответ на него был следующий:

— Это работка одна. Еще не закончена.

И все.

Интересно отметить, что этот вопрос и ответ имели место несколько лет назад, примерно в тридцать втором году. А возиться со своими бумагами Сергей Петрович не перестает и сейчас.

И сейчас его можно застать за своей странной работой. Иногда перед ним, рядом с этими листами, лежат газетные вырезки, протоколы, письма.

В разбухшей груди разграфленных бумаг Сергея Петровича мелькали цифровые данные, процентные соотношения, чернели жирные итоговые линии, и опять-таки все это не было бы странно, если над всеми записями и цифрами не красовались бы эти непонятные рубрики: «Крепины», «Ничтожества», «Дугие репутации», «Попугаи».

И вот о Сергее Петровиче стоит рассказать в печати, потому что, наконец, раскрылся смысл его странной работы.

Это произошло совсем недавно, в 1936 году. Как-то вечером Сергей Петрович сидел над своей работой чрезвычайно веселый. Он был даже взволнован. Он потирал руки, вскакивал со стула. И как раз в это время к нему пришел хороший знакомый. Вышло так, что уже нельзя было не спросить, что это за работа, которая вызывает у автора такое хорошее настроение. Все листы лежали на столе, множество вырезок тут же, рядом, и не спросить об этом уж просто было бы неудобно.

И Сергей Петрович рассказал о своей работе.

Суть ее оказалась весьма необычайной. Уже много лет он с маниакальной точностью вел обследование: сколько времени—лет, месяцев, дней—держится у нас работник, не соответствующий своему назначению? Например: сколько лет или месяцев держится очковиратель в советском учреждении? Сколько времени проходит, пока его разоблачают? Какими поступками и как он себя компрометирует?

И тут у Сергея Петровича—целая наука! На основе всяческих своих выкладок он доказывает, что, например, болтун до 1929 года держался, в среднем, от года до четырех лет, более или менее успешно занимаясь болтовней. С 1929 года процесс разоблачения болтуна в общем, за небольшими исключениями, не превышает срока от месяца—полтора до полугода. Демагог, как правило, держится до разоблачения от двух месяцев до пяти. Финансовый жулик, до 1928 года имевший возможность в отдельных случаях держаться довольно длительно, теперь, при новой системе учета, даже при большой квалификации, как правило, не держится больше двух—трех месяцев. Гораздо сложнее с бездарностью. Бездарность, прикрытая академической важностью и солидностью, иногда держится и два, и три, и значительно больше лет, но опять-таки начиная с 1935 года разоблачение и этого типа обманщиков идет значительно более быстрым темпом. Академизм, наукообразная речь, важная молчаливость на собраниях и торжественно-попугайное повторение чужих мыслей уже не всегда спасают.

Рекламисты даже тонкой формации, до 1929 года державшиеся в среднем пять—шесть лет, теперь, при самом умелом восхвалении своих делишек, не держатся более полугода.

— Вы сами понимаете,—добавил Сергей Петрович,—что моя наука—молодая, абсолютной точности здесь еще не может быть, но параллельные финансовые подсчеты красноречиво говорят, что доходы государства в последние годы за счет уменьшения деятельности дураков, рвачей и бездарностей увеличились. Таким образом, сокращение сроков в разоблачении этих людей увеличивает доходы государства.

— А скажите, пожалуйста,—спросил знакомый,—что способствует укорачиванию срока в разоблачении жулика, дурака, бездарности?

— Ну,—ответил Сергей Петрович,—известно что. Поднятие общего культурного уровня, самокритика, бдительность. Правда, тут нужно принять во внимание, что и методы жульничества также утончаются. Жулик 1936 года—это не жулик 1922. Бездарность 1936 года—это не бездарность прежних лет. Бездарность 1936 года такое наоборот, что приходится немало повозиться, пока распутываются его мутные дела. Но все же методы по разоблачению тоже утончаются. Расшифровка идет быстро во всех областях—будь это искусство, хозяйственная работа или что-либо другое. Уловки заядлого лентяя, который притворяется главным вдохновителем предприятия, тоже сравнительно быстро расшифровываются. Грабители чужой инициативы, выдумки, чужого энтузиазма быстро обнаруживаются и выводятся за ушко да на солнышко. Вообще, не думайте, что всякого вида жульничество и глупость окончательно у нас ликвидированы. Предстоит еще большая борьба. Но мой скромный труд на собранном материале доказывает, что по сравнению с прошлыми годами сроки разоблачения, так сказать, график раскусывания укорачиваются и укорачиваются, благодаря чему убытки государства неуклонно сокращаются.

...Долго еще Сергей Петрович перелистывал свои разграфленные листы. Глаза его горели лихорадкой.

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

Дорогой КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Почему говорят «менять как перчатки». Ведь перчатки не так уж часто меняются. Я предлагаю заменить это выражение новым: «меняются как профработники».

Посуди сам: на шахтах Донбасса «Альберт», «им. Балицкого» состав шахтных комитетов каждые 2—3 месяца обновляется почти целиком. Провалился председатель шахткома, его снимают. Наладил председатель работу — ему не дают засиживаться и срочно перебрасывают на прорывную шахту.

Узнай у председателя ЦК угольщиков Донбасса тов. Шмидта, как он борется за крепкие и постоянные профсоюзные кадры. Или частая смена профработников и есть эта самая борьба за кадры?!

Орденосец-инженер
К. КАРТАШОВ,
управляющий трестом
Первомайскуголь,
член Совета при нарком
тяжелой промышленности

Уважаемый Крокодил!

Получаю я недавно повестку, предлагающую мне явиться к заведующему нашим коммунальным отделом тов. Чалому. «В случае неявки, — угрожает повестка, — на вас будет наложено административное взыскание, вплоть до снятия вас с работы». Что такое, думаю? В чем я провинился?

Прихожу. Смотрю: в кабинете тов. Чалого, кроме меня, сидит еще человек тридцать сотрудинок, и все тревожно мнут в руках грозные повестки.

Наконец, заведующий коммунальным отделом поднялся и заявил:

— Я собрал вас для того, чтобы сделать вам сообщение о стахановском движении, а затем будем учиться политической грамоте.

Из всего вышеизложенного, уважаемый Крокодил, я делаю вывод, что больше всех нужно учиться политической грамоте самому товарищу Чалому.

Г. МАНУЙЛОВ.

Кисловодск.

Милый Крокодил!

Позволь через твоё посредство поблагодарить директора нефтяного промысла им. Ленина (Баку), Калашникова, за внимательное и предупредительное отношение к нам, стахановцам-двухтысячникам. На буровой № 1308 и на буровой № 579 работают лучшие стахановцы промысла. Чтоб их чрезмерно не обременять работой, управление промысла систематически забывает снабжать бурильными трубами. В результате, на одной буровой работе отдыхали 25 дней, на другой — 21 день.

Калашникову должны мы быть признательны еще и за развитие физкультуры на нашем промысле. Рабочие, живущие в Балаханах, совершают ежедневно пешие переходы по 15—20 километров из дому на промысел. Никаких перевозочных средств нет. И, судя по заботам Калашникова, не предвидится. Так что перспективы физкультурного движения у нас огромные, за что Калашникову — спасибо!

Буровой мастер, орденосец ИСМАИЛ МИКАИЛ, член Совета при нарком тяжелой промышленности.

Дорогой Крокодил!

Новая Конституция на большую высоту поднимает авторитет советского суда. Но подумай, дорогой Крокодил, какой может быть авторитет у нашего Сызранского народного суда, если помещается он в крохотных проходных каморках, и судебные залы настолько тесны, что люди во время судопроизводства сидят на полу, на подоконниках, чуть ли не на судебном столе.

Разобрать в этой тесноте, где свидетели, где подсудимые, невозможно.

ТОЛОКОННИКОВ.

Сызрань.

Дорогой Крокодил!

Нам нужно было перебраться товар из Прилукского районного потребительского общества к себе в Яблоновку. С этой целью тов. Оверченко, председатель Яблоновского сельпо, нанял в Яблоновской МТС за 70 рублей грузовую машину.

Когда машина пришла в город Прилуки и была нагружена, во двор явились старший бухгалтер Яблоновского райисполкома Джевага, старший бухгалтер МТС Ленец, старший механик МТС Сирокваша и начальник районной милиции Бацаценко, приезжавшие в Прилуки по своим частным делам. Они потребовали, чтобы Оверченко снял с машины товар и вместо сахара и мыла доставил в Яблоновку всю эту теплую компанию.

После долгих и громких препирательств Ленец и Сирокваша при мощной поддержке начальника районной милиции силой сбросили с машины часть товара, оставив лишь водку, погрузились в машину и поехали. Нам с Оверченко пришлось подчиниться насилию.

По дороге Сирокваша и Бацаценко, «чтобы облегчить машину», сбросили с нее и меня. Оскорбленный и изруганный ими, я остался ночевать в Прилуках на вокзале без копейки денег и лишь на сле-

дующий день добрался домой, отмахав пешком двадцать километров.

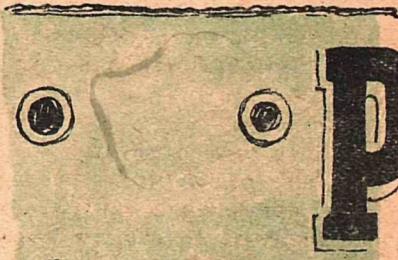
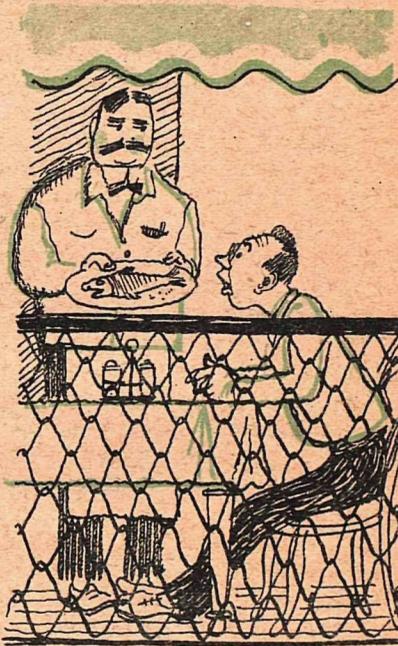
Недавно Сирокваша, главный герой этой истории, был исключен из партии, как бывший белогвардеец, скрывший от партии свое прошлое. Остальные — благоденствуют. Начальник районной милиции Бацаценко, вдохновитель описанного выше административного хамства и произвола, попрежнему бдит на страже порядка и закона в бедной нашей Яблоновке.

Редактор колхозной
стенгазеты
СПЫЧАК.

Яблоновка,
Яблоновского района,
Черниговской области

НА ПОПЛАВКЕ

Рис. К. Р.

РЫБА: — Я не знала, что даже у себя на воде стою девять рублей за подпорци.

ПРИЕМ 30/16 32
№ провоза
ПЕРЕДАЧА
МСК ПАЛЛАНЫ КМЧ 259 72 28 12=МОСКВА УЛИЦА ПРАВДЫ 24
РЕДАКЦИЯ КРОКОДИЛ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ ПОСМОТРИ НА КАРТУ УКАЖИ ВИЛАМИ ГДЕ
ОКРУЖНОЙ ЦЕНТР КОРЯКОСНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА ТЧК ЖИЛИ
ПЕНШИНСКОЙ КУЛЬТБАЗЕ БАЗЕ ЭПТ ИНИЦИАТИВЕ НЕКОТОРЫХ
ОКРУЖНЫХ РАБОТНИКОВ ПЕРЕЕХАЛИ ПАЛАНУ ЭПТ КРАЙСПОЛКОМ
НОВОГО МЕСТА НЕ УТВЕРДИЛ ТЧК ОКРУЖНЫЕ РАБОТНИКИ СЕЛДЫ
ГОД НЕАКТ ГДЕ НЕ ОКРЦЕНТРА ЗИМА НА НОСУ ЗАХВАТИТ ЛЕТНЕМ
ПЛАТЬЕ СИДЯ ЧЕМОДАНАХ ТЧК ОБЛАСТЬ МОЛЧИТ ТЧК ПОМОГИ
РАЗЫСКАТЬ ОКРЦЕНТР БЫСТРО СООБЩИ ГДЕ ГОТОВИТСЯ ЗИМА
ПЛАХОТНЫЙ СКБ НАЧ ОКР СВЯЗИ СКБ+

ТРУДНЫЙ ДЕНЬ КУБИКОВА

Редактор районной газеты «Социалистический луч» Нестор Петрович Кубиков не в духе. Он сидит один в своем фанерном кабинетике и злится. Его раздражает все: и фанерные стены, которые с добросовестностью телефонной проволоки доносят до редактора все звуки, вплоть до шипения поспевающего на кухне редакционного самовара, и собственная газета, отпечатанная серым убогим афишным шрифтом, и неделикатно вывешенные на просушку перед самыми редакторскими окнами рубашки и трусики очеркиста Яши Зандкина, живущего здесь же во дворе редакции.

Нестор Петрович морщится и покачивает головой. Со стороны можно подумать, что у редактора болит зуб.

Вдруг до Кубикова доносится хлопанье входной двери и чей-то незнакомый тенорок. Вслед за этим в редакторский кабинет входит сухонький, похожий на мышку старичок, в тяжелых болотных сапогах.

— Это вы будете редактор Кубиков? — в упор спрашивает посетитель.

Нестор Петрович молча качает головой.

— За что? — с чувством произносит тогда старичок в болотных сапогах.

— Простите, я вас не понимаю.

— За что меня так осрамили в вашей многоуважаемой газетке, товарищ Кубиков? Мое фамилие — Тюлькин. Который с шубного завода.

Редактор растерянно улыбается. Третьего дня в «Социалистическом луче» был напечатан хвалебный очерк Яши Зандкина об этом самом Тюлькине.

— Тут какое-то недоразумение, товарищ Тюлькин. Мы, наоборот, поместили о вас очерк, так сказать, хвалебного тона. Показ стахановца в его домашнем быту.

— Вот именно, выставили всем на показ.

Наступает неприятное молчание. Потом редактор берет с этажерки комплект «Социалистического луча», находит номер с очерком о Тюлькине и, с трудом скрывая раздражение, говорит:

— Я не понимаю, что вам в этом очерке так не понравилось, товарищ Тюлькин. Вот это место, например, просто здорово сделано: «Поздно вечером Тюлькин приходит домой. Дети приветствуют героя-отца восторженными криками: «Папочка пришел!» «Наш стахановец пришел». Начинается раздача подарков: дочка получает куклу, а сын — игрушечное ружье». Что плохого в этом абзаце? Разве он не соответствует истине? Разве ваши детки не приветствовали своего героя-отца?

— Вот именно не приветствовали.

— Допустим даже, что они не приветствовали. Допустим, что они спали. Не в этом суть. Суть в том, что вы принесли им куклу и ружье.

— Вот именно не приносил я им ни куклы ни ружья.

— В конце концов и это неважно, — раздражается Кубиков, мысленно ругая

Яшу Зандкина, — вы могли им принести что-либо другое. Здесь автор очерка допустил, так сказать, художественную вольность. Суть не в кукле и ружье. Суть в том, что вы принесли своим ребятишкам какие-то подарки.

— Не приносил я им подарки.

— Странный вы человек, товарищ Тюлькин. Не принесли сегодня, принесете завтра. В конце концов и это неважно. Здесь автор очерка, так сказать, несколько забежал вперед. Не в этом суть. Суть в том, что вы стахановец и у вас есть дети.

— Вот именно у меня детей-то и нет.

На этот раз молчание длится долго. Редактор Кубиков сидит красный, взъерошенный, похожий на воробья, который только что вырвался из кошачьих когтей.

— Такое написали! Весь завод смеется! Жена второй день ревмя-ревет. Я, говорит, не знала, что у тебя, старого чорта, вторая семья имеется.

Наконец, Кубиков приходит в себя.

— Идите, товарищ Тюлькин, и будьте спокойны. Мы дадим опровержение. Автор очерка будет строго наказан. От имени редакции приношу вам свое глубокое извинение.

Тюлькин уходит, продолжая обиженно бубнить.

Оставшись один, редактор Кубиков хватается за ручку, придвигает к себе чернильницу и начинает сочинять строгий приказ об увольнении Яши Зандкина за халтуру, вранье и преступное легкомыслие. Он пишет, представляя себе толстое лицо Яши, с большим нахальным носом и светлыми неморгающими, на все готовые глазами, и даже стонет от удовольствия.

Приказ написан. Остается лишь поставить точку и расписаться. Но именно в эту секунду редактора Кубикова

НИЧТО В ПРИРОДЕ НЕ ПРОПАДАЕТ

Рис. Л. Сойфертиса

— Ввиду отсутствия фотопластинок...

охватывают мучительные сомнения.

«С кем же я останусь? — думает Нестор Петрович, мысленно обозревая свое однолошадное хозяйство, — с глухим секретарем — он же выпускающий? С уборщицей — она же курьер и завхоз? С машинисткой — она же жена?»

Кубиков встает из-за стола и долго ходит по своему кабинету, как голодная гиена в клетке. Потом снова садится, решительно берет ручку и, зачеркнув слово «увольняю» в приказе об Яше Зандкине, пишет: «Объявляю строгий выговор».

Но тут дверь снова открывается и в редакторский кабинет входит заведующий местным художественным музеем Грудницин — тощий мужчина с бородой дон-Кихота, в пенсне, одетый в парусиновый старый костюм.

— Здравствуйте, Нестор Петрович, — робко говорит Грудницин, — я зашел вас поблагодарить за статейку о нашем музее! Она нам оч-чень, оч-чень поможет! Душевное спасибо вам!

Опять Нестор Петрович смотрит на посетителя несколько растерянно: как раз сегодня в «Социалистическом луче» напечатана статья Яши Зандкина, в которой заведующий художественным музеем подвергнут суровой критике. Он назван покровителем формалистов, грубых натуралистов и эклектиков, картины которых развешаны в залах музея.

— Вы что-то пугаете, товарищ Грудницин, — строго говорит Кубиков, — мы вас как раз сегодня проработали. Музею, конечно, наше выступление поможет, но вам лично — сомневаюсь!..

Заведующий музеем улыбается не без ехидства.

— Я о себе не беспокоюсь, Нестор Петрович. Пять лет я собирал картины местных колхозных художников. Вы обо мне не написали ни строчки. Собрал — и оказался покровителем «формалистов» и «натуралистов». Конечно, они никакие не формалисты и вовсе не грубые натуралисты. Учиться им еще много надо — это верно. Но теперь-то уж на нас обязательно обратят внимание! Я думаю даже из области приедут. Заинтересуются... Пожалуй, и денюжку нам подбросят. Подите-ка поищите еще в нашем крае такую коллекцию картин колхозных художников! Спасибо, Нестор Петрович, от всей души спасибо, поблагодарите от меня товарища Зандкина!..

Грудницин уходит. Редактор Кубиков чувствует, как краска жгучего стыда заливает его щеки. Он нервно хватается за перо, зачеркивает слова «объявляю строгий выговор» в приказе об Яше Зандкине и вторично пишет: «Увольняю».

А через пять минут снова трет виски и мучительно думает: справится ли машинистка — она же жена — с выпуском газеты, тогда глухого секретаря — он же выпускающий — можно будет бросить на репортаж, а сам Кубиков займется, наконец, рабкорами.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Рис. К. Ротова

— Как хорошо вдали от городского шума!..

Рис. А. Топикова

— Проклятые птицы! Так галдят в мертвый час! Спать же никому не дают! . .

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

СОБСТВЕННОЕ ЗАТМЕНИЕ

Всему Союзу было предварительно известно, что в Московской области солнечное затмение начнется 19 июня в 6 часов 18 минут утра. Клинская газета «Серп и молот» (а Клин, как известно, находится на расстоянии 2 часов езды от Москвы) не захотела примириться с такой уравниловкой и 18 июня известила читателей:

Для Клина видно будет частичное затмение. Начнется оно в 3 часа 18 минут, продолжительность 2 часа, в 5 часов 18 минут солнечный диск будет свободен от луны.

Мы очень сожалеем, что солнечный диск был действительно свободен, но не сумел использовать свое незанятое время с пользой для клинского населения: не зашел в редакцию «Серпа и молота» и не убедил его сотрудников не врать по поводу солнечного затмения.

СПРАВОЧНЫЙ СТОЛ

Кестеньский райотдел связи Карельской АССР выпустил телефонный справочник с приложением легких телефонных правил и попутных афоризмов.

Вот, например, образные строки из этих правил.

Из пункта 3:

Разговоры личных дел запрещены окромя переговорного телефона почты.

Из пункта 5:

Строго воспрещается во время переговоров снятий трубки к аппарата и подслушиваевания разговора.

Авторам такого справочника мы все-таки рекомендуем снимать телефонную трубку и заниматься «подслушиваеванием» чужих разговоров. Может быть, хоть таким путем они научатся полезной и не мешающей литературному слогу грамотности.

БЕЗ БАНЬ И ОБЕДА

Легче всего спастись от лесных пожаров — это вообще вырубить лес. К таким мерам даже самый запальчивый администратор не прибегнет в твердом уме и здравой памяти.

Но в области борьбы с пожарами в сельских местностях подобные попытки уже предприняты.

Так например Катышинский сельсовет (Омская область) издал такое постановление:

Воспретить топливо печей домов, а также бань, как государственных учреждений, так и частным лицам с 6 утра до 6 часов вечера.

Спрашивается: когда же облагодетельствованное таким распоряжением местное население может готовить завтрак и обед? Или оно вообще перешло, по евангельскому принципу, на питание медом и акридами, чтобы только не раздражать сельсовета?

ХОЛОДНЫЕ УМНИКИ

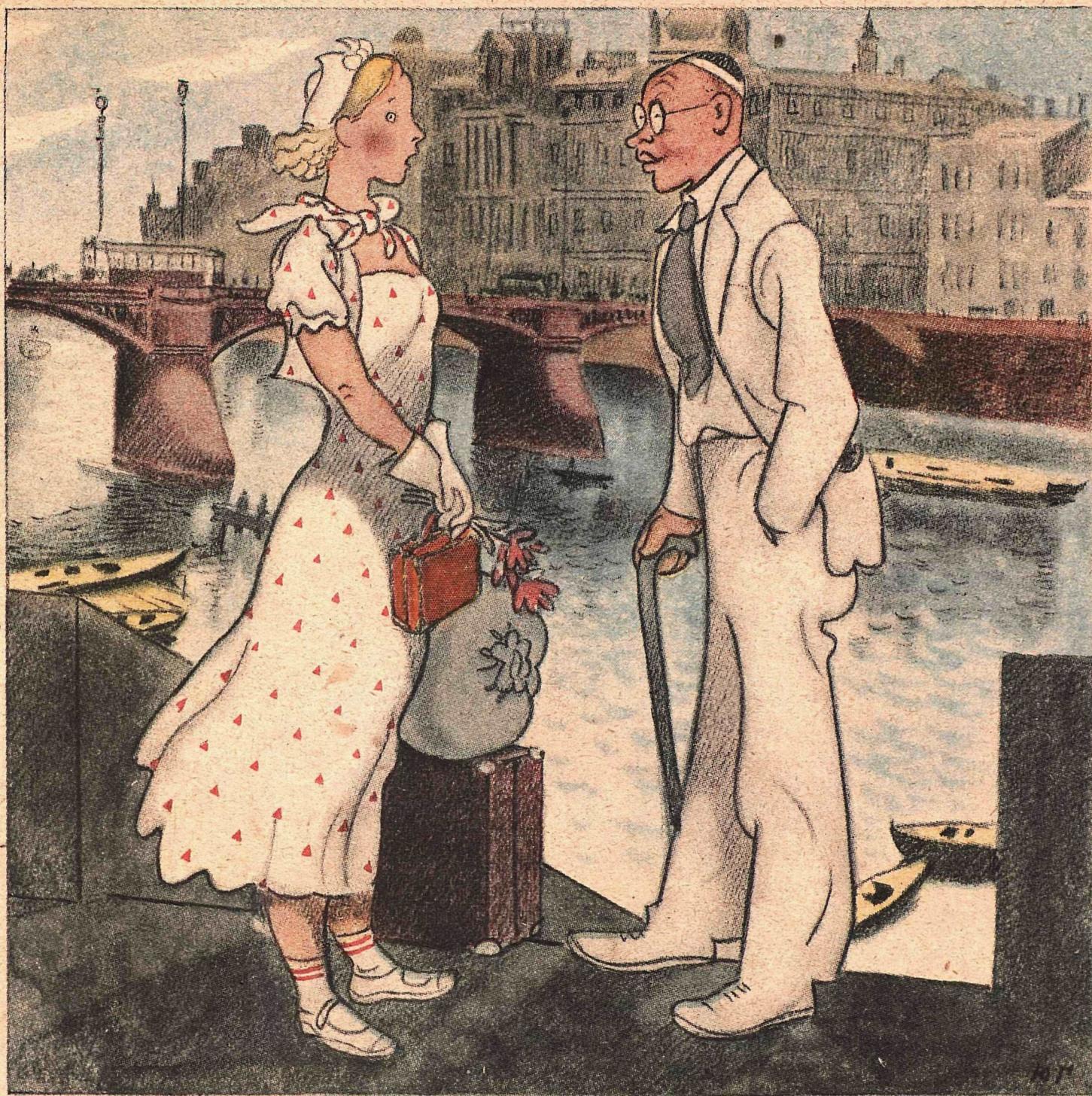
В газете «Колхозник-льновод» (Фокинский район, Свердловской области) в № 25 на видном месте красуется заметка под таким подбодряющим и неожиданным заглавием:

«Чтобы кони работали по-стахановски...»

Интересно: какой умник из редакционного состава мог придумать такое заглавие? И что, собственно, отделяет его по степени политической грамотности от конского состава, к которому он обращается?

РЕДКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ

Рис. Ю. Ганфа

- Была у меня путевка в дом отдыха и, представьте, не удалось попасть из-за того, что я опоздала на один час.
— Какой же это дом отдыха?
— Как какой? Пловучий...

ТАНЦЫ ДО ПОБЕДНОГО КОНЦА

Тридцатого мая по городу Новосибирску оживленно прошло несколько групп организованных трудящихся. Они четко отбивали ногу, шли стройными рядами, и каждый мог видеть цель этого передвижения: у всех на лицах были противогазовые маски.

Но бойчее всех и организованнее прошла группа рабочих Мясокомбината. За 55 минут они сделали 7 километров и, усталые, все же бодрой походкой подходили к одному из местных клубов.

Остальные группы тоже возвращались обратно, снимали маски, обсуждали детали похода, чувствовали себя выдержавшими практический экзамен выносливости и тренировки.

Но для рабочих Мясокомбината поход в масках оказался незаконченным: нужна была еще одна маленькая деталь, для того чтобы окончательно признать их обороноспособными.

Ее и высказал один из руководителей похода:

— А теперь, дорогие товарищи, потанцуем!

И вот люди, не снимая масок, приступили к исполнению незамысловатых «коханочек» и тонких европейских фокстротов. «Возле клуба, — как эпически сообщает газета «Советский Север», — участники устроили танцы в противогазах». Как танцевали, мы догадываемся. Повидимому, неплохо. Румбу тоже можно танцевать в противогазовой маске. Но зачем танцевали, — об этом мы догадаться не можем. Повидимому, в представлении руководителей мясокомбинатовской колонны, в случае нападения воздушных сил противника каждый должен оставаться на своем посту не только формально, но и фактически: танцевал румбу — надевай маски и дотанцуйвай до момента, пока не рассеется поражающий газ противника; начал кадрили — надевай маску и не кончай до последней фигуры. Будь стоек и мужествен: другие за тебя при таких обстоятельствах дотанцуйвай не станут!

А. П.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ЛАГИН, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-33-46; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена — 1 р. 20 к. в месяц ● Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 675

Сдача текста и рисунков 28/VI—36 г.

Подп. к печати 4/VII—36 г.

Статформат 72×108. 1/4 печ. л.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 70 000

Уполномоч. Главлита Б—25594

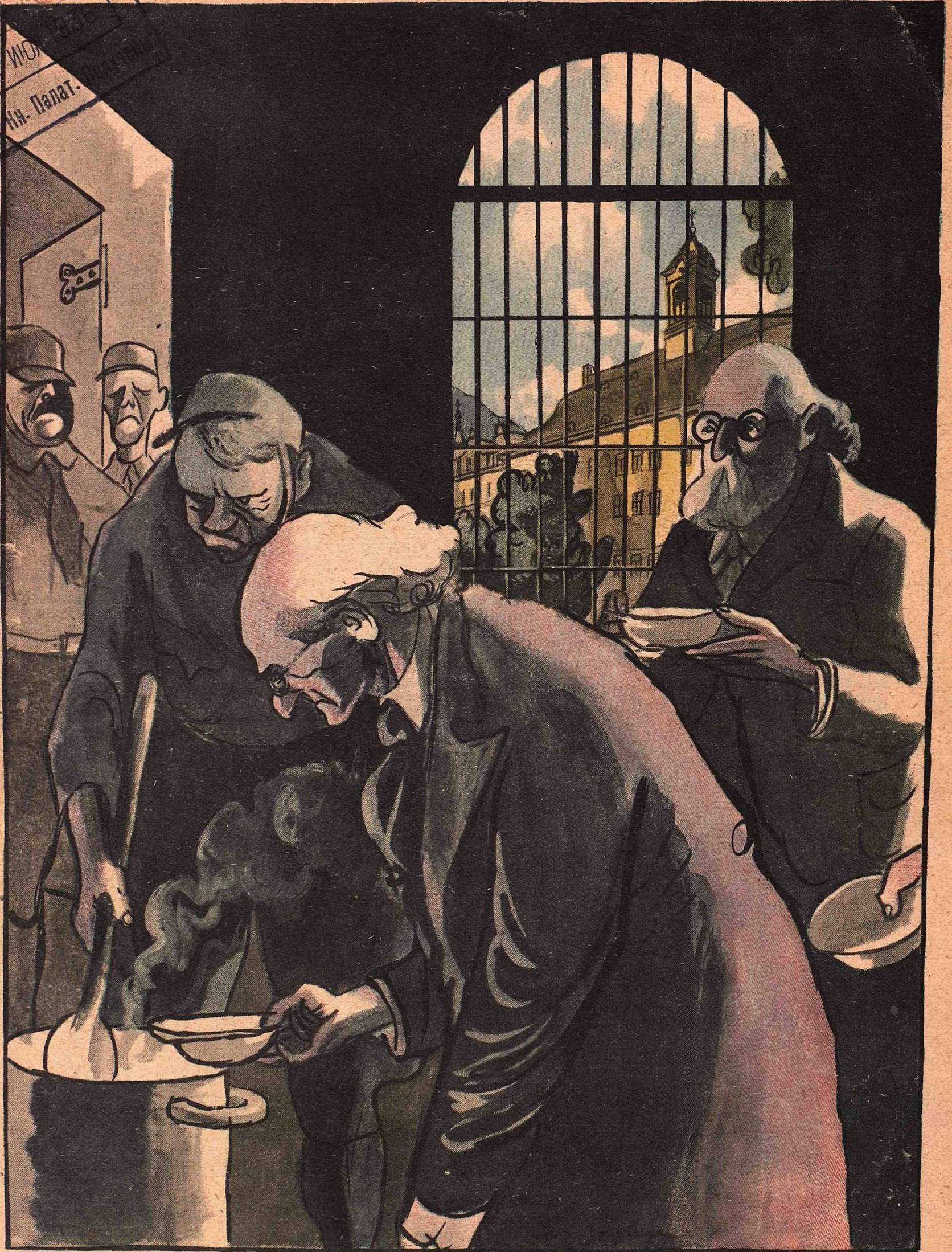
Типография газ. «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1272

Тираж 266 000

СКРОМНОЕ ТОРЖЕСТВО
(ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ 550 ЛЕТ)

50
Рис. Л. Бродаты
ОБЯЗАТ.
21
Всес. Нн. Палат.

— Наливай полнее . . . Сегодня профессора нашего университета по случаю юбилея получают во всех камерах добавочную порцию. . .